

Фан Мяожань глубоко вздохнула:

— Я не знакома с теми двумя людьми, что были днём. К чему вы преследуете меня до сих пор?

Таинственный незнакомец тихо рассмеялся.

Затем она приблизилась, и в воздухе повис густой, сладковатый аромат стиракса.

— Госпожа Фан, мы снова встречаемся, — произнесла она, и голос её звучал загадочно и маняще.

Услышав это, Фан Мяожань вмиг застыла.

Перед ней всплыл образ той ночи в «Тереме Древнего Журавля»: женщина в красных шёлковых одеждах, возлежащая на ложе из красного сандала и смотрящая на неё. Тот же голос. Та же интонация.

Женщина подняла правую руку. Пальцы её были тонки и белы, как стебли лука. Она собиралась снять чёрную маску.

Фан Мяожань невольно затаила дыхание, смутилась и, чтобы скрыть это, уставилась на бахромку повозочного полога, будто сиюсья обуздывать своё любопытство.

Но в следующее мгновение её лицо оказалось в ладонях незнакомки. Холод пальцев резко контрастировал с жаром её собственных ушей. Та медленно погладила её мочки.

— Госпожа Фан, почему вы не смотрите на меня? — в голосе женщины слышалась лёгкая насмешка.

Фан Мяожань не смогла сдержать раздражения. Ещё никто не позволял себе так бесцеремонно трогать её лицо, да ещё и таким тоном!

Она подняла взгляд. Перед ней действительно была та самая хозяйка «Терема Древнего Журавля», и теперь та с живым интересом разглядывала её. В прошлый раз они не были так близко, и Фан Мяожань не разглядела её как следует.

Теперь, встретившись с ней глазами, она увидела длинные ресницы и взгляд, в котором читалась опасная, почти хищная притягательность. Всё это странно сочеталось с чёрными одеждами наёмной убийцы и фарфоровой белизной кожи.

Неужели женщина с такой внешностью может быть столь развязной?

Глядя в эти глаза, Фан Мяожань чувствовала, как внутри закипает гнев, но не могла его выплеснуть.

Казалось, незнакомка и не думала останавливаться. Она наклонилась ещё ближе, почти прижавшись, и её алые губы прошептали у самого уха:

— Не знаю, госпожа Фан... — Тёплое дыхание обожгло кожу.

Фан Мяожань отпрянула, ударившись спиной о деревянную стенку повозки, и через миг взорвалась:

— Да что вам от меня нужно?! Не подходите так близко!

Она вытянула руку, пытаясь отодвинуть её.

Увидев эту реакцию, Фо Ло мгновенно отступила, приняв более сдержанный вид. Она выпрямилась и достала из-за пояса своего чёрного одеяния письмо, положив его в руки Фан Мяожань.

— Госпожа Фан, я привыкла жить в винной лавке, и близость с людьми для меня — дело обычное. Забыла, что вы девушка из благородной семьи. Прошу простить мою дерзость, я не хотела вас обидеть.

Чёрная маска скрывала лицо, но Фан Мяожань чувствовала на себе её пристальный взгляд. Та словно о чём-то раздумывала, а затем добавила:

— Это письмо. Умоляю вас, передайте его вашему отцу.

Фан Мяожань смотрела на неё, постепенно успокаивая дыхание. Спустя долгую паузу она наконец спросила:

— Как вас звать?

— Фо Ло.

Произнеся это имя, женщина исчезла так же внезапно, как и появилась, оставив Фан Мяожань в полном недоумении.

Через час они наконец достигли усадьбы Фан. Слуги уже ждали у ворот, чтобы встретить свою госпожу. Путь был пыльным и утомительным, а без Фан Цзиня — ещё и небезопасным.

Вернувшись в свои покои, Фан Мяожань распустила завязки платья и повалилась на собственную кровать, наконец расслабившись. В голове всплыл образ той женщины. Она назвала своё имя и скрылась.

Достав письмо, Фан Мяожань не нашла в нём ничего особенного. Она принялась обдумывать всё произошедшее, пытаясь сложить разрозненные детали в единую картину.

Эта Фо Ло, казалось, всё знала. События, вероятно, двигались к чему-то важному.

В Сяо Хэ определённно была какая-то тайна. А это письмо, адресованное её отцу... Фан Мяожань пожалела, что вообще отправилась в ту поездку. Может, тогда ничего бы и не случилось.

****Удивительные новости****

Месяц спустя Фан Гэнь наконец завершил свою работу в столице и приготовился к возвращению домой. Весть достигла усадьбы Фан, и его жёны с нетерпением ожидали его.

В тот день Фан Мяожань как раз упражнялась в каллиграфии в своих покоях, когда получила известие о прибытии отца. Она немедленно отправилась в главный зал.

Как и ожидалось, едва переступив порог, Фан Гэнь велел позвать дочь. Увидев, что она уже ждёт, он не мог скрыть тёплой, отеческой улыбки.

В зале он расспросил, как она провела этот месяц, усердно ли занималась.

Но, глядя на свою дочь, на её чистые, ясные черты и невинное выражение лица, он невольно

тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла из ротанга. Сердце его сжала тревога.

Дело в том, что за месяц в столице Фан Гэнь проявил недюжинное усердие и честность, заслужив похвалу самого императора Чэнцзу.

Государь, помня, что Фан Гэнь — видный гражданский чиновник, и узнав, что дочь его не только красива, но и талантлива, милостиво даровал ей брак. Женихом был назначен третий принц. Иными словами, через несколько месяцев Фан Мяожань предстояло выйти замуж за наследника престола.

— Мяожань, подойди-ка. Отец должен с тобой поговорить, — после долгого раздумья Фан Гэнь решился.

— Есть ли у тебя сердцем избранный человек? — спросил он.

Фан Мяожань, конечно же, покачала головой.

— Во время этой поездки в столицу государь оказал нашей семье высокую честь и даровал тебе брак. Мяожань, ты уже в возрасте, когда пора выходить замуж. Отец всегда надеялся, что ты сама встретишь того, кто тронет твоё сердце, и тогда мы обсудим свадьбу... Но... но на сей раз и мне нелегко принять решение! — На лице Фан Гэня отразилась искренняя озабоченность.

В конце концов, Фан Мяожань была его гордостью и отрадой, взлелеянной с младенчества. Она с детства постигала каллиграфию и живопись, а в последние годы её и вовсе величали «одарённой поэтессой». Она была светом его очей. К тому же, натура у неё была простой и чистой, не приспособленной для дворцовых интриг. Мысль о том, что она окажется в этой гуще, повергала его в уныние.

Услышав эту весть, Фан Мяожань сначала остолбенела. Увидев же озабоченность на лице отца, она почувствовала странную смесь эмоций.

Вся её жизнь проходила среди кистей, туши, бумаги и тушечниц. Любовные дела были для неё terra incognita. И вот теперь её внезапно обручили с принцем, и через несколько месяцев должна состояться свадьба. Это было ошеломляюще.

Но затем она подумала об отце. Наверху он служил государю с беспредельной преданностью, внизу — был образцом для младших. Этот брак был признанием его заслуг и положения. У неё не было причин противиться.

Она глубоко вдохнула:

— Отец, решайте вы. Я согласна.

Пальцы её вцепились в край одежды. Рано или поздно ей всё равно пришлось бы выйти замуж. Но почему-то на сердце было тяжело и горько.

Фан Гэнь, заметив упадок духа у дочери, поспешил утешить:

— Дитя моё, отец тебе обещает: во дворце тебе будет так же хорошо, как и дома. Никто не посмеет тебя обидеть. А если затоскуешь по дому — в любое время можешь вернуться.

Услышав эти слова, Фан Мяожань подавила подступавшие слёзы и, собравшись, мягко улыбнулась. Она сказала отцу, что уже достигла брачного возраста и готова следовать его

воле, просила его только не тревожиться чрезмерно.

После этой беседы она уже собралась удалиться, как вдруг вспомнила о письме, которое поручила передать та самая хозяйка в красном. Она много раз колебалась, но в конце концов честно рассказала Фан Гэню о своей самовольной отлучке из дома и вручила ему послание.

Глубокой ночью, в своих покоях, сквозь полупрозрачный полог, Фан Мяожань смотрела на висевший у изголовья мешочек с мускусом. Ясные глаза её были по-прежнему открыты. Будущее виделось ей туманным и пугающим. Что же до помолвки... похоже, выбора у неё действительно не было.

Как говорится, такова уж её судьба.

****Всего лишь формальность****

Каждый год в пятнадцатый день четвертого месяца весь город Нанкин заполнялся людьми до отказа. Стоило спросить у первого встречного, где можно найти развлечений, и девять из десяти ответили бы: на празднике башен в «Тереме Древнего Журавля».

В этот день ночной рынок был особенно многолюден, шумен и оживлён, жар веселья превосходил все обычные дни. Со всех концов съезжались сюда купцы, чиновники и молодые аристократы — все жаждали приобщиться к веселью.

Стоило важному господину переступить порог заведения, как его уже встречали громкими возгласами, провожали к столику, потчевали чаем и цветочным вином.

Но привлекало, конечно, не только это. В этом году в тереме ввели новое правило: в час Сюй (19-21 час) проводился конкурс на лучшую парную надпись (дуйлянь). Тот, чей ответ удовлетворит автора загадки, получал право провести ночь с самой хозяйкой заведения, Фо Ло.

Если говорить об этой женщине, то она была окутана тайной. Всегда в алых шёлковых одеждах, несколько соблазнительная, но без вульгарной развязности, присущей куртизанкам. Она производила впечатление отстранённое и холодное.

Каждый день она исполняла одну мелодию на пипе и удалялась. Телом она не торговала. Да и на артистку была не слишком похожа.

Когда приблизился час Сюй, распорядитель в зале принялся бить в гонги и барабаны, мгновенно приковывая внимание всей молодёжи.

— Господа! Сегодня наша хозяйка, Фо Ло, предлагает вам парную надпись в поисках человека, связанного с ней судьбой! Тот, кто сможет продолжить надпись, получит доступ на второй этаж! Всего два раунда! Победитель же удостоится чести войти в покои госпожи Фо!

Зал взорвался одобрительными криками. Каждый был полон уверенности в себе, боясь лишь, что его литературный талант останется нераскрытым.

<http://bllate.org/book/16259/1462750>